

Александр Бузгалин,
д.э.н., профессор МГУ,
Андрей Колганов,
д.э.н., в.н.с. МГУ

Трудовая теория стоимости: реактуализация

Так получилось, что долгие размышления над вынесенной в заголовок проблемой завершились написанием этой статьи только тогда, когда мы обратились к вечной теме научного наследования-критики во взаимоотношении учителей и учеников: наследию нашего учителя, профессора Николая Владимировича Хессина, надежде на продолжение-развитие критической марксистской тенденции нашими учениками...

...Повсеместное господство теории предельной полезности стало видимым основанием для отказа трудовой теории стоимости в теоретической и практической актуальности. Проблема кажется решенной раз и навсегда, однако авторы считают возможным и необходимым усомниться в этом. Причина непопулярности трудовой теории стоимости не в том, что строго и окончательно доказана ее теоретическая несостоятельность и практическая неплотворность. Причина в другом – в объективной востребованности со стороны господствующих общественно-экономических сил иной научной парадигмы. Бизнесу (в широком смысле слова; стороже, на языке марксизма, следовало бы сказать – «капиталу») и всем тем агентам общественной жизни, которые принимают устанавливаемые им «правила игры» (а это все мы как агенты рынка: потребители, продавцы рабочей силы и т.п.), объективно необходимы, прежде всего, позитивные знания, позволяющие принимать наиболее эффективные с точки зрения рынка решения. Эту задачу и реализует так называемый *mainstream* современной экономической теории, выросший из теории предельной полезности. Трудовая теория стоимости *эту* задачу, действительно, непосредственно не решает. Она решает другие теоретические и практические проблемы.

Какие именно? На этот вопрос авторы уже отвечали в опубликованной год назад статье об актуальности I тома «Капитала» для современной экономической теории и практики¹. В этом тексте нам хотелось бы продолжить свои размышления, сделав другой акцент.

---

¹ См.: Бузгалин А., Колганов А. «Капитал» в XXI веке: pro et contra // Вопросы экономики, 2007, № 9. Хотелось бы сразу заметить, что дискуссии о критическом использовании наследия Маркса в России в новом столетии обрели своеобразное «второе дыхание». В том же номере того же журнала опубликованы статьи О.Ананьина, Р.Нуреева, Э.О.Райта об актуальности марксизма. Всего с 2004 года только в «Вопросах экономики» опубликовано более 10 статей на эту тему. Не намного реже эта тема поднимается в «Свободной мысли», «Российском экономическом журнале», «Экономисте» и других журналах. Постоянно эта проблема обсуждается в журнале «Альтернативы», который даже позиционирует себя как орган постсоветской школы критического марксизма.

Парадоксом (но только на первый взгляд) является то, что *теорию предельной полезности можно вывести из трудовой теории стоимости, пройдя всю цепочку восхождения от абстрактного к конкретному*. Как это можно сделать, авторы покажут ниже, указав на основные вехи длинной дороги, включающей все три тома «Капитала» (но не только). Эта дорога приведет нас к пониманию того, что на поверхности явлений стоимость в условиях зрелой, более того, вступающей в пору заката, капиталистической системы, может и должна проявляться исключительно в превращенной (мы ниже будем использовать менее привычный, но более точный термин: «превратной») форме, создающей объективную видимость совершенного иного («превратного», «перевернутого») содержания. Истинным (в точном смысле слова) теоретическим отображением этого неслучайно сформированного «перевернутого» содержания и является теория предельной полезности. Более того, именно марксистская методология и теория позволяют показать, как и почему в XX веке сформировалась объективная необходимость широкого распространения именно маржиналистского подхода и видимость его истинности. Любопытно, что сам маржинализм, в отличие от марксизма, свое господствующее в последние десятилетия положение воспринимает как должное, некритически, не только не отвечая на вопрос о причинах своего доминирования, но даже и не ставя его.

Все это мы покажем в заключительной части данного текста.

Начать же нам хотелось бы с иного – с прояснения того, каково содержание трудовой теории стоимости, ибо за время, прошедшее с распада СССР, едва ли не большая часть научного сообщества нашей страны утратила тот уровень понимания «Капитала», который был нормален хотя бы для студента-отличника экономического факультета МГУ 70-х годов.

(В скобках заметим: едва ли не большинство нынешних критиков этой теории всерьез считают, что суть трудовой теории стоимости состоит в измерении последней объемом трудозатрат, рабочим временем, а то и вообще в часах. В бытность мою студентом за это ставили двойки на 1 курсе...)

Посему начнем с напоминания некоторых классических тезисов².

Возвращаясь к классике: стоимость есть общественное отношение «рыночной экономики»

Начну с того, что далеко *не всякое общественное богатство, созданное трудом, является стоимостью*. В рамках марксистской трудовой

---

² Безусловно, трактовок трудовой теории стоимости даже внутри марксистской школы не счесть и каждая из них претендует на то, чтобы называться «классической». Ниже авторы раскрывают (несколько развивая и дополняя) подход Н.В.Хессина. На наш взгляд он вполне обоснованно может претендовать на аутентичное отражение «Капитала». (См.: Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К.Маркса. М.: Изд-во МГУ. 1964).

теории стоимости доказан тот факт, что *стоимость – это специфическая общественная форма богатства, создаваемого трудом, характерная исключительно и только для товарного производства*³.

Попробуем аргументировать этот столь же простой, сколь и не самоочевидный тезис.

Начнем с того, что стоимость (во всяком случае, в рамках классической марксистской теории) есть одна из двух сторон товара. Товар же есть элементарное бытие («клеточка») системы отношений товарного производства.

Отсюда несколько следствий.

Первое. Стоимость в рамках классического марксизма есть, прежде всего, не некий экономический агрегат, помогающий соизмерить обменивающиеся продукты, учесть затраты труда. *Стоимость есть экономическое отношение* – объективное отношение, в которое люди вступают в условиях товарного производства, обмена и потребления⁴. И лишь затем мы можем сказать: стоимость есть такое экономическое отношение, которое лежит в основе обмена товаров, что, в частности, делает их соизмеримыми. Это нюансы, но они, как мы покажем ниже, важны.

Как таковая стоимость – и это *второе* следствие – есть одна из сторон системы отношений товарного производства, т.е. специфической и с теоретической, и с исторической точки зрения экономической системы. К.Маркс многократно подчеркивал, что условием возникновения товара и товарных отношений является наличие, во-первых, общественного разделения труда (то, что стоимость есть воплощенный, овещенный в продукте *общественный* труд, труд, осуществляемый в условиях общественного разделения труда, прямо подчеркнуто в «Капитале»). Во-вторых, условием существования товара является обособленность

---

³ «Единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть стоимость товаров». Но товары – это «продукты, произведенные в обществе более или менее обособленных частных производителей». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 318.)

Этот тезис кладет в основу своего анализа товарного производства и уже упомянутый выше Н.В.Хессин, и один из крупнейших советских философов и, на наш взгляд, крупнейший советский знаток «Капитала» Э.В.Ильенков (См.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1961). Ныне не принято об этом говорить, но мы хотели бы вслед за нашим учителем подчеркнуть, что трактовка товарного хозяйства как особой системы производства и общественных отношений по его поводу была не просто предложена, но и развита в ряде работ В.И.Ленина, начиная с «Развития капитализма в России» и заканчивая серией работ по проблемам новой экономической политики.

⁴ «Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость (Wertding) остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью (Wertgegenstaendlichkeit) лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства – человеческого труда, что их стоимость (Wertgegenstaendlichkeit) имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собою понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 56).

производителей или то, что Маркс назвал частным трудом. Только продукты частных, независимых работ становятся товарами⁵. В силу этого стоимость есть феномен исключительно исторически конкретной экономической системы – системы товарных отношений (ее формой является рынок, давший общепринятое ныне имя этой системы)⁶.

В других общественных системах труд создавал и будет создавать общественное богатство, имеющее другую – не стоимостную – социально-экономическую природу и форму. В течение долгих тысячелетий человеческий труд создавал общественное богатство, но не создавал стоимость. Так, в частности, производили свой продукт в условиях господства натурального хозяйства крестьяне (т.е. большинство человечества) в большинстве стран мира на протяжении тысяч лет, вплоть до XX века. Так до сих пор производят значительную часть своего продукта сотни миллионов крестьян в странах третьего мира и даже в России. Так производят и будут производить свой продукт те ученые и педагоги, художники и социальные новаторы, кто дарит его человечеству как общественное благо, не превращая свое творение в объект частной собственности... Но это иная материя.

Сейчас же нам важно зафиксировать: *исследуя стоимость, мы всегда должны оставаться в рамках системы товарных отношений.*

Итак, мы вспомнили, что трудовая теория стоимости К.Маркса есть не более (но и не менее) чем составная часть единой теоретической системы «Капитала», отображающей (во всяком случае, по мнению Маркса и его сторонников) систему производственных отношений особой системы, называемой ныне «рыночной экономикой».

Как же именно выводится трудовая теория стоимости?

В трактовке этой проблемы даже среди марксистов есть немало расхождений, но есть и некоторые инварианты, принятые всеми, кто судит об этом предмете не по учебникам и хрестоматиям. Для того, чтобы их вспомнить, необходимо «всего лишь» воспроизвести основные шаги логики I раздела I тома «Капитала».

---

⁵ «Товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые посредством своего отчуждения в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 13, сс. 68-69.)

⁶ Вот лишь несколько положений Маркса, показывающих, что двойственность труда как общественного и частного (труда обособленного производителя) есть *differentia specifica* товарного производства. «Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть *общественные определения* труда или определения *общественного труда*, но общественного не вообще, а особого рода. Это специфический вид общественности.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 18). «Труд, который представлен в меновой стоимости, предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 20). «... На основе капиталистического производства, где каждый работает за свой страх и риск... особенный труд вынужден вместе с тем выражать себя как свою противоположность, как абстрактно всеобщий и в этой форме общественный труд...». (К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Ч. II. М.: Госполитиздат. 1957, с. 534.)

Исходный пункт – фиксация того, что исследуемый нами предмет есть мир товаров. Как мы уже заметили, это важно: мы тем самым ограничиваем наше исследование только данной системой.

Второй шаг: выделение двух сторон товара – потребительной стоимости (способности продукта удовлетворять некоторую общественную потребность) и меновой стоимости (способности обмениваться в некоторой пропорции на другой продукт). Здесь важно подчеркнуть очевидный, но часто «забываемый» тезис: стоимость есть всего лишь одна из сторон товара и вне единства с потребительной стоимостью не существует. *Продукт, не обладающий полезностью для другого агента экономики, стоимости не имеет* – это положение строго выводится в «Капитале»⁷. Последнее следует акцентировать, ибо он будет не раз содержательно «работать» на доказательство выдвигаемых нами положений.

Третий шаг: выведение стоимости как общественного отношения, делающего возможным и необходимым производство, обмен и потребление продуктов как именно товаров. Именно здесь лежит ключ к выделению труда как субстанции стоимости. Логика Маркса достаточно прозрачна. Он фиксирует то, что полезность продукта есть свойство всякой экономической системы, в которой есть хотя бы потребление. Следовательно, эта черта должна быть присуща товару, но она не может служить той *differentia specificata*, которая характеризует товарное отношение. Специфика этого отношения состоит в том, что (NB!) продукты производятся в условиях общественного разделения труда и обособленности производителей.

С последним следует разобраться предельно внимательно. Дело в том, что одно из принципиальных различий| трудовой теории стоимости и теории предельной полезности связано с тем, что именно – только обмен или производство в широком смысле слова (в единстве собственно производства, обмена, распределения и потребления, соединенных в едином воспроизводственном процессе) – кладется в основу исследования. Это должно быть хорошо известно всем экономистам-теоретикам. Запомним это⁸.

---

⁷ «Вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49.). Эти идеи Маркса развиты в работах Р.Т.Зяблук.

⁸ Экономистам-практикам, в том числе, сторонникам максимально свободного и полного развития рынка, хорошо известно, что для такого развития необходимы некоторые объективные условия. Какие? Только возможность свободно продавать на рынке свою продукцию и покупать ресурсы по свободным ценам? Отнюдь. И идеология, и практика рыночных реформ в России 1990-х годов показала, что этого мало. Что для развития рынка необходимо нечто большее. Первое и очевидное (столь очевидное, что экономисты-рыночники многое потеряли, «забыв» об этом): для развития рынка необходимо развитое общественное разделение труда (общественный характер труда). Реверсивное развитие экономики, породившее в первой половине 90-х годов мощную волну бартера и натурализации хозяйства, доказало, что забывать об этом нельзя. Для развития рынка нужна не только возможность обмена, но и производство, которое может и должно совершаться в условиях развитого разделения труда. С этим никто вроде бы не

Второе условие развития рыночной экономики, выделенное нами выше вслед за Марксом – обособленность производителей и частный характер труда. В стандартных учебниках, тяготеющих к *mainstream*'у, эту формулу, как правило, игнорируют. Она не то, чтобы отрицается. Она просто... отсутствует. Говорится, что экономика (естественно, рыночная) – это система, где потребности безграничны, ресурсы ограничены, а индивиды рациональны. И все.

Однако либеральные экономисты-практики прекрасно знают: рыночной экономики не будет, если производитель (именно производитель, а не только продавец и покупатель) действует в условиях более или менее жестких ограничений его деятельности. Отсюда требования частной собственности (т.е. концентрации экономической власти, в частности, решений что, как, для кого и т.п. производить в руках частного лица, субъекта частного, независимого от других производства), невмешательства государства в производственную деятельность, демополизации производства (а не только торговли) и т.п.

Впрочем, либеральный экономист-теоретик с этим тоже на принципиальном уровне согласится, хотя и предложит несколько иное терминологическое оформление. Согласится. Но не вынесет эти характеристики в качестве основных ограничений, указывающих на специфику рыночной экономики, в учебник. Этот ученый будет и в теоретической полемике с оппонентами, и в своей практической консультационной деятельности доказывать, что для развития рыночной экономики нужны максимально полное развитие частной собственности и максимально полная свобода (мы бы сказали – независимость, *обособленность*, ибо свобода и в классической философии, и в экзистенциализме, есть нечто много большее) фирмы (мы бы сказали – производителя товара). Но этот ученый не положит общественное разделение труда и обособленность производителя в основу своей теоретической конструкции, призванной отобразить параметры рыночной экономики.

Этот парадокс имеет вполне разумное и четкое объяснение. Во-первых, для функционирующей рыночной экономики и общественное разделение труда, и обособленность производителей есть само собой воспроизводимая предпосылка. Посему теория может от нее... абстрагироваться. Если только эта теория не ставит вопрос: как, почему и сколь надолго возникла изучаемая ею система. А этот вопрос экономикс не ставит и не может ставить по упомянутым выше причинам.

Во-вторых, такая характеристика *differentia specifica* рыночной экономики четко указывает, что последняя есть всего лишь одна из многих экономических систем; что рыночная экономика имеет свои логические и исторические границы и не тождественна «экономике вообще». Такая постановка вопроса для экономикс, опять же, невозможна. Она невозможна и для подавляющего большинства экономистов-теоретиков, работающих в рамках *mainstream*'а. Лишь некоторые маргиналы (кроме марксистов – представители классического институционализма, новой исторической школы, некоторые специалисты по компаративистике и экономике развития) могут иногда об этом упоминать.

В-третьих, признание противоречия обособленности производителей и общественного разделения труда как системного качества так называемой рыночной экономики обуславливает акцент на исследовании в первую очередь производственных отношений и лежащего в их основе труда, его характера и содержания. А это опять же нож острый для *mainstream*'а.

В результате этого и складывается внешне парадоксальная ситуация, когда для того, чтобы сформировать рыночную экономку, и сторонникам, и противникам решения этой задачи равно нужны теоретически достоверные знания о системном качестве, границах, специфике этой системы. А это знание дает только исследование ее

станет спорить, но есть один нюанс: выше в качестве практикой востребованного атрибута рыночной экономики был выделен особый тип *производства, труда*.

производственных отношений⁹. Не случайно поэтому на заре борьбы капитала за место под солнцем теории этой системы делали акцент на тех же параметрах, что сторонники рыночных реформ в России 90-х гг. XX века. Не случайно первые стали основоположниками трудовой теории стоимости, а вторые проводили последовательный курс на либерализацию и приватизацию. Подчеркну: первая предполагала не только объявление свободы торговли, но и – главное – слом системы планового контроля за производителем. Вторая – установление частной собственности во всей системе общественного воспроизводства, а отнюдь не только в сфере торговли, причем частной собственности не только как юридической формы, но как системы отношений, обеспечивающих реальную обособленность частных производителей.

Итак, товарное производство предполагает общественное разделение труда, т.е. полную зависимость производителей друг от друга, и, в то же самое время и в том же самом отношении их обособленность, т.е. полную друг от друга независимость. Такова практически достоверная теоретическая модель товарной экономики. Как же разрешается (и вместе с тем, естественно, воспроизводится) это противоречие? А очень просто. Это знает любой, кто производил что-то для продажи. Действительно независимый ни от кого производитель создает на свой страх и риск некий продукт (вот она, обособленность), предназначенный для другого члена общества (вот оно, общественное разделение труда) и выходит на рынок, где он сталкивается с такими же производителями и потребителями, так же производившими свои товары независимо, но ориентируясь на общественные (не свои личные) потребности. И далее лишь стихийное (в исходном пункте изучения рынка все – и Маркс, и Маршалл, и их последователи абстрагируются от всяческих его ограничений), от воли и сознания никого из агентов не зависящее взаимодействие продуктов этих работ приведет к тому, что часть из них будет обменена в некоторой пропорции на другие, причем для одних эта пропорция окажется более выгодной, для других – менее, а часть так и останется нереализованной. Далее все они опять уйдут с рынка и опять на свой страх и риск начнут производить те же (или иные – рыночная экономика в отличие от патриархальной любит инновации) продукты, предназначенные для реализации неизвестно в точности каких именно общественных потребностей.

Вот в этом реальном процессе снятия и воспроизведения обозначенного выше противоречия между обособленностью (независимостью) производителей, обусловленной частным характером труда, и их общественной взаимозависимостью (следствие общественного труда) и формируется стоимость как общественное отношение (то же касается и потребительной стоимости товара, но об этом ниже)¹⁰.

---

⁹ Внешним оформлением производственных отношений являются формально и неформально установленные «правила игры» – так называемые «институты». Отсюда, кстати, некоторая близость марксизма и институционализма, особенно «классического». Впрочем, это особая тема, прологом к которой могут служить работы А.Московского – с одной стороны, А.Шаститко, А.Олейника и А.Аузана – с другой. Авторы оставляют эту тему в данной статье без дальнейших комментариев.

¹⁰ Вот как об этом пишет сам Маркс: «Труд есть труд частного индивидуума,

Возвращаясь к классике: стоимость нельзя сосчитать (к проблеме субстанции стоимости)

Продолжим наши размышления о классической марксовой трудовой теории стоимости. Следствием признания того факта, что стоимость есть общественное отношение, является сделанный выше жесткий вывод: стоимость нельзя сосчитать. Она принципиально не поддается квантификации.

Этот тезис выглядит, возможно, неожиданно для тех, кто никогда всерьез не изучал «Капитал» или забыл об этом, но это именно так. Именно для этих читателей Маркс в свое время заметил, что стоимость тем и отличается от известной вдовицы, что ее нельзя «пощупать», сосчитать. Сосчитать, непосредственно увидеть можно только форму стоимости, в частности, цену товаров. Но она так же отличается от стоимости как одежда женщины от того, что скрыто под ней (совпадение в обоих случаях возможно, но только как исключение). Если оставить шутки в стороне, то раскрытие этого следствия – а оно принципиально важно – потребует от нас исследования субстанции, содержания и формы стоимости, исследования, доведенного как минимум до выведения денег и феномена цены (а эта категория в «Капитале» – в отличие от «economics» – не постулируется, а строго выводится).

Эту, едва ли не самую главную задачу мы будем решать ниже, продолжив начатое выше воспроизведение основных шагов восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании феномена «стоимость».

Мы остановились на том, что стоимость товара есть общественное отношение, предполагающее, что имеющие стоимость товары производятся в условиях общественного разделения труда и обособленности производителей. Способом признания общественной необходимости товаров – продуктов обособленных частных работ – являются на поверхности явлений акты купли-продажи. Сама же стоимость есть нечто более сложное – это тот «общественный иероглиф», та скрытая общественная сущность, которая определяет меру общественной необходимости всех тех продуктов, которые были признаны на рынке как товары (были проданы и куплены).

представленный в определенном продукте. Однако как стоимость продукт должен быть воплощением *общественного* труда и в этом своем качестве он должен обладать способностью непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую (та определенная потребительная стоимость, в которой труд непосредственно представлен, должна быть чем-то безразличным для него, так чтобы продукт можно было из одной формы потребительной стоимости переводить в другую). *Частный труд* должен, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный* труд; это превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд...*». (К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Ч. III. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. М.: ИПЛ, 1964, с. 137).

Сам рынок при этом автоматически определяется как система отношений (соответственно, и факторов, «правил» и т.п., их обеспечивающих) обмена, признания общественной необходимости продуктов обособленных частных работ.

Чем же может определяться эта общественная необходимость товара, формирующаяся в процессе разрешения реального противоречия, осуществления реального отношения и *так* выведенная Марксом, отобразившим в системе категорий 1 главы «Капитала» этот объективный процесс? Тем, что он в определенной мере удовлетворил чью-то потребность и, следовательно, затраченный на его создание труд в некоторой мере (она зависит от пропорции обмена) оказался общественно-необходимым. Первый аспект обуславливает наличие общественной потребительной стоимости товара. Второй – общественно-необходимого труда, воплощенного в товаре (точнее – овещненного в товаре, ибо товар – это прежде всего вещь, а не вещество). Последнее и есть стоимость как одна из сторон товара – «клеточки» того, что сейчас принято называть рыночной экономикой.

Подчеркну: не весь реально затраченный на производство товара труд есть субстанция стоимости, а лишь тот, что оказался общественно необходимым в той системе пропорций, каковая реально сложилась на рынке и каковая в основе своей определяется структурой производства, стихийно сложившейся в процессе осуществления производителями массы частных работ. Именно эта стихийно складывающаяся за спинами производителей система пропорций конкретных видов труда и их затрат (проявляющаяся в системе определенных пропорций обмена на рынке) и определяет в своей основе то, какая часть труда, воплощенного в том или ином продукте, окажется востребована системой общественного воспроизводства (производства, обмена, распределения и потребления, повторяющихся как постоянный процесс). Этот востребованный, общественно-необходимый труд и есть субстанция стоимости, что Маркс выводит из анализа реального процесса взаимодействия обособленных производителей. «Увидеть», «пощупать», сосчитать эту общественную субстанцию невозможно по определению. Если бы это могло произойти, то мы бы получили сознательно организованное непосредственно общественное производство, т.е. очевидно не-рыночную экономику, т.е. вышли за пределы нашего предмета исследования и попали в мир, где нет стоимости, хотя и есть общественное богатство и проблемы его (не-стоимостного) измерения.

Другое дело, что конкретные пропорции обмена товаров обязательно непосредственно, практически определимы: их знает, уходя с рынка, каждый продавец и покупатель. Если вы продали пару произведенных вами башмаков и купили двух поросят, то это значит, что стоимость этих башмаков равна... двум пороссятам. И иначе ее не измеришь. И ни в чем другом, кроме как в пороссятах, воплощенный в произведенных Вами башмаках общественный труд не проявляется.

Отсюда известнейшее, но ныне, как я уже заметил во введении, многими прочно забытое положение Маркса: стоимость товара проявляется только в потребительной стоимости другого товара и ни в чем ином. Соответственно, если говорить о количественной стороне, то стоимость определенного товара внешне выражается в

определенном количестве того товара, на который первый был обменен. (Но никогда не в часах труда!). Здесь важна одна «деталь». Поскольку субстанцию стоимости составляет труд, а труд всегда есть процесс, имеющий некоторую продолжительность, т.е. длящийся несколько часов (минут, дней, лет), то апостериори, задним числом производитель может приравнять некоторое количество полученных им за товар потребительных стоимостей товара-эквивалента (например несколько башмаков или золотых монет, полученных в обмен на пару выращенных им поросят) к количеству часов рабочего времени, затраченных им на выращивание им поросят. Но это можно сделать только апостериори и это будет не более чем косвенная оценка трудоемкости товара в потребительной стоимости другого товара, но никак не величина стоимости товара в часах труда¹¹.

Попутно заметим: это один из многих параметров, указывающих на не только противоположность, но и неразрывное единство стоимости и потребительной стоимости в «Капитале». Марксова теория есть в строгом смысле трудовая теория товарного производства, трудовая теория стоимости и потребительной стоимости.

Тот факт, что труд есть «имманентная мера стоимость товара»¹², тем не менее, не создает возможности измерения стоимости товаров рабочим временем. Рабочее время, овещненное в товаре, представляет собой частное рабочее время, которое еще должно выявить себя непосредственно как время общественно-необходимое, как абстрактный всеобщий труд, Единственным способом такого выявления является акт обмена, где стоимость товара приобретает форму своего проявления, меновую стоимость – и где стоимость одного товара выражает себя в потребительной стоимости другого. Непосредственное же измерение общественно-необходимого рабочего времени было бы возможно только в том случае, если бы налицо была возможность не только прямого измерения всех затрат рабочего времени, не только прямого расчета сведения сложного труда к простому, но и прямого и точного соизмерения этих затрат рабочего времени с общественными потребностями. Эти условия очевидным образом выводят нас за границы товарного производства, для которого только и справедлива сама категория стоимости.¹³

Выше мы привели очень краткое изложение известного положения Маркса о том, что *в условиях товарного производства и обмена* стоимость не выражается в часах

---

¹¹ Та же видимость того, что Маркс в «Капитале» все-таки измеряет стоимость в часах рабочего времени, когда он делит рабочее время наемного работника на необходимое и прибавочное. Но в этом случае, как и в некоторых других аналогичных, Маркс рассуждает о принципиально ином процессе – о том, что рабочее время распадается на необходимое и прибавочное, на время, в течение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы и время в течение которого он создает прибавочную стоимость. Часы рабочего времени здесь служат не более чем иллюстрацией. Действительно же оценить, сколько часов рабочий работал на себя, а сколько – на капиталиста в рамках Марксистской теории можно только апостериори, сравнив «цену» часа рабочего времени работника (часовую заработную платную как превратную форму стоимости и цены рабочей силы) и цену созданного за этот час рабочим товара (за вычетом стоимости постоянного капитала, перенесенной за этот час на данный товар).

¹² Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 547.

¹³ Более подробный комментарий этого тезиса см.: Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости... С. 115–117.

рабочего времени, а общественно необходимые затраты труда не могут быть подсчитаны (ни априори, ни, кстати, апостериори).

Как именно может быть аргументирован этот тезис?

Ответ на этот вопрос затруднителен. Но не потому, что нет аргументов, а потому, что они состоят именно в выведении путем теоретического отображения реальных процессов развертывания товарного отношения при помощи восхождения от абстрактного к конкретному, что мы, вслед за Марксом, кратко проделали выше. И в той мере, в какой мы смогли отобразить логику Маркса, мы доказали приведенное выше положение.

Впрочем, возможны и дополнительные аргументы. Учет величины стоимости как некоторых количественно определенных («сосчитанных») общественно-необходимых затрат труда априори, до процесса производства и обмена продуктов в товарном производстве невозможен, ибо это мир обособленных, независимых друг от друга агентов, производящих продукцию на свой страх и риск, вне какой-либо общественной связи и координации их деятельности. Какая часть их труда окажется востребована общественным воспроизводством (внешне – продана/куплена на рынке) и окажется ли вообще – принципиально не может быть установлено до того, как это признание состоится¹⁴.

Что же касается апостериорного измерения затрат общественно-необходимого труда, то на рынке общественная необходимость товара признается только как акт обмена на другой товар, который продавцу объективно необходим только как потребительная стоимость. В этой потребительной стоимости товара-эквивалента и выражается стоимость продаваемого товара, причем реальное количество труда, затраченного продавцом и покупателем, будет различно. Маркс не случайно свой анализ начинает именно с простой формы стоимости, где скрыта предельно абстрактная и потому максимально генерализованная, генетически всеобщая картина процесса. В рамках простого обмена двух товаров весь рынок сведен к абстракции двух производителей, представляющих две отрасли. Пропорция их обмена складывается случайно и продукт труда в течение 20 часов одного производителя может быть обменян на продукт труда в течение 10 или 40 часов другого. Общественно-необходимыми затратами абстрактного труда будут те, что стали общими для обеих отраслей. Вопрос – чему они равны, какова их величина – бессмысленен. Точнее, он имеет ответ, но несколько обескураживающий для желающих все сосчитать экономистов. Если использовать приведенный выше пример, то овеществленный в обмененных товарах общественно-необходимый труд будет равен... паре башмаков или двум пороссятам. И ничему иному. Если мы рассмотрим многоотраслевую модель с массой производителей в каждой отрасли, то это ничего не изменит. Реально осуществленные среднеотраслевые затраты труда будут так же далеки или близки (причем неопределенно далеки или близки) от общественно-необходимых, как и затраты труда одного-единственного башмачника в приведенной выше простейшей модели.

Впрочем, все это Маркс неоднократно показывал и доказывал в своих спорах с Прудонам и иными – им несть числа – калькуляторами пропорций справедливого обмена. Подчеркнем: последнее не означает, что обмен продуктов не может производиться по некоторым правилам, которые общество считает справедливыми. Последнее означает иное. Если такой обмен кто-то попытается производить в условиях товарного производства, т.е. обособленности производителей, то рынок быстро поставит его на место, доказав, что здесь все должны играть только по правилам свободной торговли. Если же эти правила (пропорции «справедливого обмена») будут сознательно диктоваться участникам обмена обществом, то это будет не рынок, а непосредственно общественная организация производства¹⁵.

---

¹⁴ Вот как поясняет эту тезу Н.В.Хессин: 1, с. 116 (Хессин Н.В. Вопросы..., с. 116)

¹⁵ На этом основана критика Марксом идей Прудона и всех тех, кто пытался –

Пойдем далее.

Как мы показали выше, стоимость может проявить себя только в процессе обмена, где и выявляются доступные любому рыночному агенту (и любому исследователю, даже не вооруженному таким важнейшим «прибором» научного труда как абстракция, а еще лучше – метод восхождения от абстрактного к конкретному) черты товарного отношения. Тому, как в реальном процессе взаимодействия товаров проявляются их сущностные основы, и посвящен один из самых важных разделов «Капитала» – параграф «Форма стоимости». В нем раскрывается едва ли не самая главная «тайна» трудовой теории стоимости. Именно здесь Маркс показывает, что проявиться в реальной жизни, обрести форму, стоимость может только через потребительную стоимость другого товара. Что воплощенный в товаре абстрактный труд может проявить себя только через конкретный труд товара-эквивалента (конкретного труда по выращиванию поросят, на которых вы обменяли башмаки). Что ваш труд имеет общественное признание только в той мере, в какой его продукт оказался нужен другому частному лицу, который согласился отдать продукт своего частного труда в обмен на продукты вашей деятельности, признав тем самым, что вы не зря поработали и что в Вашем продукте овещено общественного труда в количестве... равном его частному труду по выращиванию двух поросят.

Таким образом, стоимость получает определенность такого общественного отношения, в котором в продуктах труда обособленных производителей овещается определенная мера общественно-необходимого абстрактного труда. Эта мера проявляет себя в определенной пропорции обмена данного товара на другой и может быть выражена только в потребительной стоимости другого товара-эквивалента (в ставшем товарном производстве его роль играют деньги). Тем самым абстрактный труд оказывается чем-то существенно большим, нежели некоторые затраты труда вообще. И уж тем более он не является средними затратами труда на производство данного товара, хотя в общем и целом *«тяготее»* к этой величине. (В скобках замечу: последний подход наиболее типичен для авторов, идущих от применения математических методов анализа, и многих зарубежных авторов. Это не случайно. Возможность сосчитать абстрактный труд возникает едва ли не единственно при таком подходе, а для этого круга ученых логика исследования подчас выглядит следующим образом: посмотрим, что именно можно сосчитать и... определим это как единственно поддающийся строгому научному познанию предмет).

Абстрактный труд как категория, которую ученый (впервые – Карл Маркс) выводит путем исследования действительного процесса развертывания и разрешения (и воспроизведения) противоречий товарного производства, а не конструирует формально-логически как то, что поддается квантификации, определяется следующим образом. Это та практическая,

---

неизбежно потерпев фиаско – создать в рамках товарной экономики «банки справедливого обмена».

самим реальным процессом товарных отношений порождаемая абстракция общественно-необходимого труда, которая существует только как действительно сложившееся соотношение различных конкретных видов деятельности, при котором они получили общественное признание в процессе обмена. Еще раз: эти общественно-необходимые затраты труда существуют как действительная, практическая абстракция – определенное соотношение конкретных видов работ, образующих сложившуюся в некоторый момент в общественном воспроизводстве (и, в частности, на рынке) систему пропорций. Обмененные в данных условиях товары будут равны по стоимости (здесь мы пока абстрагируемся от отклонения цен от стоимости) и, следовательно, по общественно-необходимым затратам труда. Но эти затраты абстрактного общественного труда как были так и останутся принципиально не измеряемы в часах рабочего времени (даже средних – хотя и тяготеют к последним, как вытекающим из сложившейся структуры производства и трудозатрат). И уж тем паче они не равны никаким индивидуальным (или даже среднеотраслевым) затратам конкретных видов труда.

Вдумчивый читатель здесь, конечно же, задаст вопрос: а чему же они тогда равны? Маркс на него ответил в «Капитале» - они «равны» (это слово мы взяли в кавычки, ибо речь идет не о количественной, а о сущностной определенности феномена «абстрактный труд») той части «труда вообще», которая в каждом из принявших в обмене миллионов товаров оказалась востребована потребителем и признана им как общественно-необходимая. Здесь перед вдумчивым читателем встает новая задача: понять что такое абстрактный труд как конкретно-всеобщее (действительная, практическая абстракция «труда вообще») в отличие от одинакового количества труда (пусть даже среднего, общественно-нормального). Очень грубо это можно выразить как конкретную систему всех тех индивидуальных затрат различных конкретных видов труда, которые в определенной пропорции оказались взаимно-необходимы, что и выявилось на рынке, и в которых некоторая толика времени (может быть большая, может быть меньшая, чем реально затраченные) окажется общественно необходимой. Более того, эта величина будет тяготеть к средней, общественно нормальной только как тенденция, ибо, во-первых, на нее будут влиять межотраслевые пропорции и, во-вторых, определяться эта «средняя общественная нормальность» всякий раз будет только апостериори, после того, как на рынке выяснится сколько сегодня было продавцов товара А, сколь умелых, и сколько покупателей этого товара и сколь платежеспособных. И никак иначе. При этом для каждого отдельного производителя пропорция обмена может быть разной и в следующем акте воспроизводства она изменит свою конфигурацию и так далее до бесконечности, ибо товарное производство – это стихийно складывающаяся система пропорций, где один выигрывает, а другой проигрывает (собственно в этом и лежит «тайна» конкуренции)¹⁶.

---

¹⁶ Вот как раскрывает «тайну» абстрактного труда как категории «Капитала» Н.В.Хессин: «Чтобы понять природу абстрактного труда, мы должны, следовательно, не ограничиваться указанием на физиологическую однородность труда, его общественный характер, но прежде всего уяснить, что речь идет о физиологических затратах специфического вида общественного труда. Всякий общественный труд есть затрата общественной рабочей силы в физиологическом смысле, но лишь физиологическая затрата особого специфического вида общественного труда рассматривается Марксом как абстрактный труд. В чем же состоит «специфический вид общественности» у труда, воплощенного в стоимости товаров? Этот вопрос по существу нами уже рассмотрен.

На все сказанное выше, к сожалению, не принято обращать внимание. Причем сие характерно даже не столько для критиков, сколько для сторонников трудовой теории стоимости, особенно из числа тех, кто пытается взглянуть на нее сквозь призму проблемы соизмерения товаров, исчисления воплощенных в них трудозатрат. И это не случайно: для этих авторов экономическая теория, не дающая возможности сосчитать затраты, бесполезна. Это просто не наука¹⁷.

Между тем, как уже давно показал Карл Маркс и его многочисленные последователи, дело здесь обстоит много сложнее. Начнем с того, что логика «Капитала» приводит к тому, что в дальнейшем появляется нечто, вполне поддающееся квантификации, а именно – цены и их многочисленные производные. Но цены – это отнюдь не затраты абстрактного труда; впрочем, об этом ниже. Далее. «Полезность» и предназначение марксистской политической экономии вообще и трудовой теории стоимости состоит не в том, чтобы помогать бизнесу считать свои затраты и принимать наиболее эффективные решения о том, какой товар производить и по какой цене продавать – здесь марксизм мало полезен (и потому, как я уже заметил, мало интересен для бизнесменов и их ученых собратьев). Они состоят в том, чтобы показать закономерности генезиса, развития и заката товарного производства и рождаемого им капитализма, природу и противоречия общественных отношений в этой системе и т.п.

Подводя промежуточный итог наших размышлений, зафиксируем: трудовая теория стоимости не конструируется Марксом как один из более или менее удобных способов исчисления и соизмерения затрат. Последнее наиболее типично для многих сторонников трудовой теории стоимости, особенно из числа тех, кто исходит в своей методологии либо из естественно-научных аналогий, либо из приоритета математических методов исследования, когда все то, что не квантифицируется, не существует (во всяком случае, для науки...). Теория Маркса принципиально иная. Перед этим ученым задача «сосчитать» стоимость не стоит в принципе. Более того, своей работой он показывает, что ее вообще не нужно и не правильно ставить, ибо сосчитать стоимость в принципе невозможно, что он и доказывает в «Капитале».

Для критиков марксовой экономической теории этот вывод оказался кстати. Поскольку общепринятая в их среде (да и вообще господствующая

Главное состоит в том, что конкретный труд частных лиц не является непосредственно общественным, он носит непосредственно частный и лишь скрыто общественный характер. Каждое частное лицо еще должно доказать, что затраченный им труд является необходимой составной частью совокупного общественного труда, а его индивидуальная рабочая сила выступает как часть единой общественной рабочей силы. Доказать это можно только в процессе обмена» (См.: Хессин Н.В. Вопросы теории..., с. 82-83).

¹⁷ Любопытна в этой связи следующая ремарка Маркса: «Находясь под влиянием грубого практичного буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 59).

вот уже более века в общественных науках) методология позитивизма с его акцентом на количественных методах анализа априори квалифицирует такую (делающую невозможной квантификацию) теорию бесплодной и бездоказательной, постольку марксистская политическая экономия с их точки зрения сама себя обрекла на «изгнание из храма».

«Классические» марксисты к этому отнеслись спокойно, понимая, что принципиальное различие методологий неоклассики и марксизма есть корень различий теоретических. Однако те из сторонников марксизма, кто оказался не способен противостоять методологии mainstream'a или был искренне убежден в ее истинности, оказались в очень сложном положении и предприняли попытку решить проблему путем «улучшения» марксизма вообще и трудовой теории стоимости, в частности, путем формализации и математизации марксовых выкладок.

Результат усилий последних оказался по большому счету печален, ибо они искали и ищут решение задачи, в принципе не имеющей решения.

Замечу на полях: если бы эту фразу когда-нибудь захотели и смогли прочесть те из сторонников аналитического марксизма, кого волнуют проблемы трудовой теории стоимости, то они бы, скорее всего, не удержались от скептической ухмылки; не более. Периферийный (Россия ныне – задворки мировой экономической теории) автор, почти не знакомый с очень давней и многомерной полемикой по сложнейшей проблеме, норовит одним махом разрубить Гордиев узел... Ай Моська, знать она сильна...

Впрочем, этот скепсис и ухмылки, очевидно, останутся лишь в моем воображении: этот текст вряд ли будет доступен и/или интересен для зарубежных авторитетов. Да и не в этом скепсисе дело.

Дело в существе вопроса. А по существу я в меру своих сил воспроизвел выше многократно и тщательно аргументированные в советской экономической литературе тезисы, глубоко укоренные в содержании и букве «Капитала».

Еще существеннее другое. Воспроизведенный выше подход позволяет продвинуться по пути решения ряда актуальнейших проблем современности. Среди них, во-первых, анонсированное в начале статьи выведение теории предельной полезности из «Капитала» и показ того, что она является закономерно возникшим отображением господства тех превращенных форм, которые делают эту теорию по видимости истинной и практически востребованной (бизнесом). Во-вторых, раскрытие практической актуальности трудовой теории стоимости как знания, позволяющего не столько строить формальные модели исчисления трудозатрат и соразмерения продуктов в некоей абстрактной «экономике вообще», сколько как важнейшего слагаемого экономической теории товарного производства («рыночной экономики»), позволяющей показать ее исторические границы и пути снятия, дав «попутно» критику «рыночноцентризма» нынешней экономической теории (в том числе, отчасти, и аналитического марксизма). Все это, в-третьих, позволяет несколько иначе взглянуть на известнейшее направление критики (и развития – и в кавычках, и без) Маркса, связанное с так называемым противоречием между I и III томами «Капитала» и проблемой трансформации.

Поскольку о второй проблемах мы уже кое-что написали, остановимся на первой. Это тем более уместно, что по мере ее решения нам удастся сформулировать и предпосылки для решения третьей

Еще раз о трудовой теории стоимости и теории предельной полезности: методология исследования превращенных форм в фетишизированном мире

Итак, мы зафиксировали, что *трудовая теория стоимости* (и это специально подчеркивал сам Маркс) *является предельной, глубинной абстракцией системы экономических отношений товарного производства, развивающейся в отношении наемного труда и капитала.* Вне системы категорий «Капитала», как теория «ценности вообще» она «не работает». Стоимость есть исторически конкретная категория.

В соответствии с методом Маркса путь от категории стоимости до поверхности непосредственных экономических действий далек. Начав этот путь, мы вслед за Марксом показали, что трудовая теория стоимости предполагает исследование двойственного характера труда, единства и противоположности стоимости и потребительной стоимости (как мы уже заметили, марксизм – это трудовая теория не только стоимости, в основе которой лежит общественный абстрактный труд, но и потребительной стоимости, в основе которой лежит частный конкретный труд). Далее мы показали значимость исследования формы стоимости, открывающей, в частности, дорогу к выведению денег и здесь мы остановились.

Теперь же пойдем далее. Следующий важнейший этап исследования – деньги как мера стоимости. Именно в деньгах стоимость обретает свою адекватную форму и меру. Но здесь начинаются новые проблемы и тонкости.

Во-первых, анализ функции денег как меры стоимости позволяет вывести феномен цены – денежного выражения стоимости товара. Но цена как форма оказывается подвержена влиянию спроса и предложения, колебания которых обуславливают являющиеся правилом отклонения цен от стоимости. Так уже в I томе «Капитала» появляются категории спроса и предложения, их колебания и т.п. функциональные связи, которые (в отличие от движения самой стоимости) уже могут стать объектом моделирования. В принципе, в качестве иллюстрации Маркс мог бы уже в 3 главе I тома «Капитала» описать и выделить кривые спроса и предложения и феномен равновесной цены. Выведение этих параметров в этом случае, естественно, будет иным, чем у маржиналистов, но сами феномены могут получить свое отображение.

Этот вывод и это дополнение марковского исследования уже давно не секрет для марксистов. Для нашего же текста здесь важен вывод: стоимость имеет лишь косвенное выражение в цене. Более того, поскольку товарный фетишизм находит свое последовательное воплощение в фетишизме денег, постольку в товарно-денежном хозяйстве не может не развиваться фетишизм цены. Цена есть та форма стоимости, которая принципиально отлична от

содержания и отчасти создает видимость иного содержания – того, что стоимость (здесь правильнее было бы использовать другой русский аналог value/wert – ценность) зависит от конъюнктуры рынка. Эта видимость обусловлена не ошибочным теоретическим представлением о цене, а практикой, где *единственно эмпирически данное бытие стоимости – цена – действительно зависит от соотношения спроса и предложения*. Отражающий (в силу неслучайной приверженности позитивистской методологии) **исключительно** это эмпирически данное объективное положение дел ученый не только может, но и должен зафиксировать эту связь и постараться построить ту модель, которая адекватно отобразит функциональные связи, обуславливающие определенные параметры движения цен и влияющие на эти функции параметры. *Так в «Капитале» делается второй (первый, самый глубинный, – исследование формы стоимости) шаг к объяснению, почему и какая именно позитивная теория функционирования рынка может и должна быть создана адептами рыночной системы.*

Во-вторых, деньги, выполняя функцию средства обмена, могут, как известно, быть замещены некоторым знаком денег-золота. Отсюда еще одна линия фетишизации и рождения форм, создающих видимость иного содержания отношения «стоимость», нежели то, что лежит в основе системы отношений товарного производства. Деньги как всего лишь мимолетный посредник обмена выполняют свою функцию не как золотой товар, имеющий реальную стоимость (овещенный в золоте абстрактный общественный труд), а как всего лишь знак этого товара. Главное условие выполнения этой функции – не качество, субстанция этого знака (бумажных или иных заместителей золота) как товара, имеющего стоимость – для денег-бумаги это как раз не играет существенной роли, – а его количественная определенность (как сказал бы Гегель – «определенное количество»). Здесь важно «всего лишь» соответствие количества (номинала) денег в обращении сумме стоимостей товаров, включенных в данный воспроизводственный процесс. Отсюда не случайное *выведение* Марксом формулы количества денег в обращении. Более того, *отсюда вытекает объективная возможность возникновения количественной теории денег*: для нее есть объективные основания, точно раскрытые Марксом (я их очень коротко охарактеризовал выше). Эта возможность превращается в действительность там и тогда, где и когда возникает объективная заинтересованность в этой теории. В результате на стыке либеральной монетарной политики и востребованной ею теории рождается «уравнение Фишера», сотворившего (возможно, не ведая, что творит) прямой плагиат...

Следующие шаги в развитии трудовой теории стоимости связаны с генезисом и развертыванием такого производственного отношения как «капитал».

Статья – это не место для пересказа трехтомной работы. Поэтому отмечу лишь несколько ключевых пунктов хорошо известной серьезным теоретикам логики восхождения от абстрактного к конкретному.

Анализ денег и всеобщей формулы капитала создает предпосылку для выведения из трудовой теории стоимости нового важнейшего отношения – отношения создания наемным трудом и присвоения капиталом прибавочной стоимости – отношения эксплуатации. Здесь существенна двоякая теоретическая связь, отображающая реальную диалектику производственных отношений «рыночной экономики». С одной стороны, К.Маркс на основе анализа законов развития товарного отношения (в единстве стоимости и потребительной стоимости товара) строго выводит теоретически то, что в условиях генезиса капитализма происходило и происходит в массовом порядке практически: товар превращается в деньги, а деньги в капитал. Посему трудовая теория стоимости неизбежно и органично вырастает в теорию прибавочной стоимости. С другой стороны, важнейшим теоретическим доказательством теории эксплуатации является именно трудовая теория стоимости в ее полной определенности, включая теорию двойственного характера труда, потребительной стоимости и стоимости, денег как товара особого рода и т.д. Для доказательства факта совершения прибавочного труда и его присвоения капиталом, осуществляющихся в рамках соблюдения законов товарного производства, Маркс должен был показать, во-первых, специфику стоимости товара «рабочая сила» (общественно-необходимый абстрактный труд, затрачиваемый на воспроизводство этого специфического товара и овещенный в нем) и потребительной стоимости этого товара (способность создавать в процессе труда стоимость, большую, чем его собственная). Во-вторых, Маркс мог и должен был использовать теорию двойственного характера труда для того, чтобы показать, как именно происходит одновременный процесс переноса стоимости постоянного капитала на конечный продукт и создание новой стоимости. Тем самым именно теория двойственного характера труда служит важнейшим основанием для доказательства того, что теории факторов производства, предельной производительности могут быть раскрыты как рефлексия превратного содержания, создаваемого такими превратными формами как заработная плата и прибыль (но об этом ниже). В-третьих... – пожалуй, я не буду далее разворачивать доказательства взаимно однозначной связи трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости в «Капитале».

Раз возникнув, капитал обретает свои собственные новые законы движения, развивающие закономерности товарного производства. Деление капитала на постоянный и переменный, анализ воспроизводства капитала, выделение процесса обращения и деления капитала на основной и оборотный подводят Маркса вплотную к выведению закономерного превращения прибавочной стоимости в прибыль. Это один из интереснейших шагов в «Капитале». Но для наших размышлений он особо важен: здесь происходит трансформация содержания (отношения создания и присвоения прибавочной стоимости) в форму, причем форму превратную.

Прибыль в теории Маркса становится той превратной формой, которая объективно создает видимость иного, чем действительное, содержания. Прибыль – это такая форма, которая создает объективную видимость того, что действительно происходит *на поверхности явлений*, а именно того, что прибыль есть результат функционирования всего капитала, а не только наемного труда. Маркс доказывает, что эта видимость объективна, но она противоположна действительному содержательному процессу. Показывает, как и почему происходит это раздвоение объективного бытия на содержание и превратную форму. Показывает, что прибыль как превратная форма не только есть, «бытийствует», эмпирически дана, но и *должна* быть: в процессе воспроизводства, оборота капитала прибавочная стоимость действительно становится прибылью как результатом функционирования

всего капитала, хотя прибавочная стоимость как таковая создавалась и создается только наемным трудом.

Здесь вновь складывается та же ситуация, что и со стоимостью: прибавочная стоимость есть объективный реальный феномен, производственное отношение, но ее так же нельзя «пощупать», как и стоимость. Эта та объективная реальность, которую можно «увидеть» только при помощи особого научного инструментария – метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Здесь уместно напомнить хорошо известную аналогию с микроскопом, без которого нельзя увидеть даже инфузорию-туфельку, не говоря уже о вирусе или гене. Не вооруженный специальным инструментарием ученый «не видит» некоторых объектов и абсолютно честно и искренне заявляет, что их нет. Зато он без всякого инструментария видит то, что дано эмпирически, и столь же честно заявляет, что это есть. И только это есть. Так появляется витающая в абстракциях и не имеющая осязаемых практических доказательств генетика и столь практичное учение, как теория Лысенко...

Так же и с прибавочной стоимостью и прибылью: первая содержательно-реальна, но доказательство этого требует использования метода восхождения от абстрактного к конкретному (впрочем, практика доказывает верность марксизма и непосредственно, но это происходит преимущественно тогда, когда возникают качественные изменения того, что сейчас называют «рыночной экономикой»). Вторая непосредственно эмпирически дана, но с точки зрения марксизма является превратной формой.

К вопросу о том, как доказать, что это только форма и к тому же превратная, мы еще вернемся. Сейчас же заметим, что *Маркс в очередной раз* (сам того не зная) *показывает основы возникновения и развития очередного теоретического блока mainstream'a: теории факторов производства, предельной производительности*. Маркс еще не знает, какую роль приобретут эти теории, да и вообще ничего не пишет о них. Но содержательно он показывает, что они могут возникнуть как отражение превратной формы – действительного процесса функционирования капитала, порождающего прибыль. Этот теоретический блок должен возникнуть, ибо он адекватно отражает интересы тех, кто «заказывает музыку» в экономической науке.

Напомню так же важный пропущенный мной блок – теорию заработной платы Маркса.

Здесь автор «Капитала» раскрывает еще один аспект движения от содержания к превратным формам, показывая, как и почему стоимость и цена рабочей силы превращаются в заработную плату и как эта объективно существующая форма создает видимость превратного содержания – того, что наемный рабочий продает труд и получает за него плату. Превратная форма «зарплата» как бы (здесь термин-симулякр «как бы» значим) наводит морок на работника и на работодателя, и на исследователя, формируя фиктивное содержание, когда кажется, – намеренно повторю! – что суть отношения наемного работника и капиталиста в том, что первый продает товар «труд» в обмен на заработную плату – плату за этот труд. Что, следовательно, это всего лишь обмен эквивалентов и никакой эксплуатации здесь нет. Сложность здесь состоит в том, что обмен товарами между капиталистом и рабочим – это действительно обмен эквивалентов, что показал, в частности, и Маркс. Но эта эквивалентность – не более чем реально существующий морок, ибо на самом деле продается не труд, а рабочая сила – особый товар, стоимость которого всегда меньше, чем та, что этот товар создает в процессе его

потребления капиталом (в процессе труда, включающего не только необходимое, но и прибавочное время).

Так происходит серия продвижений на пути от стоимости к превратным формам рынка.

Едва ли не наиболее сложный шаг, весьма близкий к завершающей стадии трансформации – это формирование средней прибыли и цены производства. На протяжении всего XX века и доньше по этому поводу ведется напряженная полемика, связанная с так называемым противоречием между I и III томами «Капитала» (в зарубежной литературе – проблемой трансформации). Проведенный выше краткий экскурс в логику I отдела I тома «Капитала» напомнил, как эта проблема решается в классическом марксизме. Там этот Гордиев узел разрубается: показав, что стоимость *не есть* средние затраты конкретного труда (труда в некоторой отрасли), мы ставим под сомнение само наличие расхождений в количественной определенности стоимости и цены производства. Это просто теоретически разные и не сопоставимые между собой феномены.

Сказанное в полной мере соотносится с так называемым «законом стоимости». Его часто трактуют так, что, дескать, в условиях товарного производства продукты продаются и покупаются по стоимостям, которые равны средним общественно-нормальным затратам труда. Между тем, закон стоимости отнюдь не предполагает, что товары продаются по их стоимости. Более того, этот закон предполагает, что *товары, как правило, не продаются в соответствии с их стоимостью*, что рыночные цены товаров обычно отклоняются от стоимостей, совершая колебания, лишь в среднем, в сумме этих колебаний, тяготея к величине стоимости – некоторому количеству абстрактного труда, овещненного в товаре¹⁸.

Механизм формирования цен производства является конкретным механизмом отклонения цен от стоимости, причем механизмом, не нарушающим в среднем тяготение общей суммы цен товаров к их стоимости, а лишь перераспределяющим затраты труда в результате межотраслевой конкуренции в зависимости от отраслевых различий в уровне органического строения капитала (есть и другие механизмы отклонения цен от стоимости, в частности, механизм образования земельной ренты).

Следует заметить, что цена производства может быть представлена не только как нечто, не равное стоимости, но и как частный случай стоимости. Закон стоимости действует и применительно к цене производства, если учитывать, что понятие общественно-необходимых затрат труда в

---

¹⁸ Повторим для читателя тезис первой части: стоимость измеряется исключительно косвенно, при помощи формы – цены. В этом специфика товарного производства: здесь глубинные феномены, в том числе стоимость, непосредственно не даны исследователю ни качественно, ни количественно. Они даны только в виде форм, причем чем дальше, тем больше – превратных. Отсюда, кстати, эмпирическая достоверность изучающего эти формы mainstream'a и «недостоверность» пытающегося раскрыть содержание марксизма.

капиталистическом производстве приобретает более конкретную модификацию. *Здесь общественно-необходимыми признаются не просто средне-нормальные затраты труда, обеспечивающие соответствие спроса и предложения (то есть равенство совокупных затрат труда на обмениваемые массы товаров), а такие затраты, при которых продажа товаров приносит равновеликие прибыли на авансированный капитал* путем создания избытка предложения в отраслях с низким органическим строением капитала, и дефицита предложения – в отраслях с высоким органическим строением, при обеспечении лишь суммарного соответствия спроса и предложения на рынке.

Впрочем, так просто уйти от проблемы, обсуждаемой более столетия, конечно же, нельзя: мы лишь отметили возможный путь поиска ее решения. К тому же нельзя не отметить, что полемика по проблеме трансформации дала немало новых интересных теоретических разработок и позволила нащупать немало «узких мест» в марксовской теории товарного производства.

Для нас же это превращение интересно тем, что оно выводит на первый план одну из самых сложных и – что греха таить – пока не решенную до конца в марксизме проблему взаимосвязи законов содержания системы и механизмов функционирования ее превратных форм.

У авторов, к сожалению, в кармане нет готового ответа на этот вызов. Есть некоторые тексты, в которых содержится ряд гипотез, но не более того. Впрочем, в отличие от авторов, у Маркса, при всей незавершенности III тома его основного труда, есть немало весьма продуктивных моментов, показывающих как именно происходит такая трансформация стоимости в совокупность ее превратных форм, одной из которых и является цена производства. Далее следует рыночная стоимость и рыночная цена, еще далее...

Вот здесь Маркс остановился, не успев продолжить свою работу.

А через некоторое время господствующей стала теория предельной полезности, обретающая все новые и новые оттенки и аспекты.

Почему это произошло? С точки зрения марксизма – по вполне понятной причине. *Зрелая «рыночная экономика» (мы бы сказали – капиталистическая система производственных отношений) в процессе своего воспроизводства не только порождает множество превратных форм, но и делает их господствующими.*

В этой системе, завершившей свой генезис и стабильно функционирующей на собственной основе, все ее основания ушли в глубину, не видны, скрыты многочисленными напластованиями воспроизводящих и множащих самих себя превратных форм. В результате этих многочисленных напластований и складывается объективная система некоторых механизмов функционирования рынка, где непосредственно взаимодействуют только отдельные субъекты, осуществляющие определенные транзакции, зависящие от их собственных решений и некоторых эмпирически данных параметров (например, количества денег в обращении и др.), эндо- и экзогенных для рынка. Ничего другого на поверхности устойчиво воспроизводимой рыночной экономики просто нет. Здесь стоимость предстает только как цена, причем цена, зависящая от параметров и отраслевой, и межотраслевой конкуренции, спроса и предложения; деньги – как всего лишь агрегат, количество которого должно не превышать определенных объемов; прибавочная стоимость – только как прибыль (причем многократно перераспределяемая в силу многоплановых форм конкуренции); наемный труд озабочен только максимизацией заработной платы (еще одна превратная форма)...

В результате складываются необходимые и достаточные предпосылки для формулирования и признания всех основных слагаемых сегодняшней теории *mainstream*'а. Так логика «Капитала» показывает причины и содержание тех превратных форм, которые могут и должны отображаться теориями тех авторов, кто сознательно или бессознательно исследует именно и только эти эмпирически данные формы. Исследует в силу то ли своей методологии (позитивизма; тоже, кстати, неслучайного); то ли в силу неспособности и нежелания исследовать что-либо, кроме эмпирически данных форм; то ли в силу незаинтересованности в исследовании чего-либо большего, чем эти формы, в условиях, когда господствующими экономическими субъектами (бизнесом; шире – агентами рынка, т.е. людьми как всего лишь продавцами или покупателями того или иного товара) востребованы и оплачены именно эти исследования и объяснения; то ли в силу и первого, и второго, и третьего...

При этом субъективно экономисты *mainstream*'а вроде бы как и не виноваты в том, что они ведут именно такие исследования. Непосредственно здесь действует обратная описанной выше связь. Теоретики искренне считают, что они так работают не потому, что им за это платят, а им за это платят потому, что они создают полезные для практики знания (отсюда столь большая популярность методологии прагматизма). Самое смешное, что эти экономисты правы: в условиях стабильно функционирующей экономики полезную для агентов рынка информацию, информацию, в основном адекватно отражающую практику, можно получить прежде всего на основе теоретического фундамента *mainstream*'а. Это действительно адекватное, научное отражение действительных механизмов функционирования превратных форм. *Такие* формы можно и должно отражать именно на основе этого теоретического и методологического багажа. Иначе теоретик получит и передаст заказчику знание не о путях повышения прибыли, а об условиях отмирания капитала...

(Как в старом анекдоте о работнике «почтового ящика», производящего якобы холодильники. Сколько бы ни бился мужик, но в результате сборки у него в руках всегда оказывался пулемет. Так и с марксистской теорией: сколько ни пытайся ее использовать для повышения эффективности бизнеса, в результате обязательно получишь вывод о необходимости преодоления капитализма...¹⁹)

Другое дело, что для того, чтобы правильно отражать механизмы функционирования превратных форм как таковых, как истины в последней инстанции, а не как мистификации (пусть объективной, но мистификации), *mainstream* должен создавать мнимый теоретико-методологический фундамент. Подобный фундамент опять же точно и истинно отражает некоторое содержание – но это фиктивное, «наведенное» превратными формами (так, как ведьмы наводят морок) содержание. Таким «наведенным» [превратными формами стабильно функционирующей на собственной основе рыночной экономики] содержанием-морок и является теория предельной полезности.

Но! Подчеркнем еще раз: *теория предельной полезности – это не теоретическая фикция*. Это теоретически истинное и практически полезное

---

¹⁹ Можно, правда, взять из марксизма лишь некоторые аспекты и получить некоторые частичные выводы (что и делает большинство теоретиков и практиков, стремящихся «облагородить» капитализм. Впрочем, даже строгое следование «букве» марксистской экономической теории говорит, что в чем меньше прибавочного продукта (при предпосылке роста суммарного общественного богатства) достается капиталу и чем больше – остальным гражданам, тем лучше для большинства членов общества...

(для агентов рынка) отражение действительно существующего превратного содержания, созданного миром превратных форм, господствующих в экономической жизни рынка и определяющих основные механизмы и формы его функционирования.

А теперь о том, как доказать, что формы функционирования рынка, исследуемые и отображаемые *mainstream*'ом, превратны, а содержание системы товарных отношений совсем иное, а именно то, что отображено в «Капитале», что, в частности, содержательно истинной является трудовая теория стоимости.

Поскольку это не более чем завершающие аккорды статьи, ограничимся отсылкой к одному из ключевых положений, с которых мы ее начали. Как при природных катаклизмах бури и землетрясения срывают многочисленные поверхностные напластования, обнажая коренную породу, так и в социально-экономической жизни генезис или слом определенных общественных систем обнажает их действительную природу. Лишь два примера из отечественной истории. Как бы мы ни относились к событиям 1917 и 1991 годов, и в том, и в другом случае все занавесы были сорваны. В первом случае произошло (при всей сложности реальных исторических событий) разрушение именно коренных основ прежней системы. Не только форм рынка, не только конкуренции. Была разрушена система отношений создания и присвоения стоимости путем товарного производства. Были разрушены наемный свободный труд и частный капитал... Во втором, в противоположность первому, создавали опять же не только формы рынка, но отношения обособленного производства товаров, отношения наемного труда и частно-капиталистического присвоения... И в том, и в другом случае содержание процессов было предельно обнажено и оно подтвердило правомерность выделения именно системы производственных отношений как действительного содержания этой системы. Именно для понимания причин, природы, последствий, закономерности или случайности грандиозных социально-экономических сдвигов и нужна марксистская экономическая теория вообще и трудовая теория стоимости, в частности. Для того же, чтобы успешно делать свой мелкий или крупный бизнес или выбрать оптимальный по соотношению цена-качество автомобиль, марксистская экономическая теория слишком сложна и многоаспектна. Она здесь так же бесполезна, как космический корабль для поездки в супермаркет.

Кроме того, не забудем и о том, что люди в экономике – это не только агенты рынка, даже если эта экономика рыночная. Поскольку же на самом деле мир, котором мы живем, это не просто рыночная экономика, а система производственных отношений капитализма, постольку в ней действуют и более сложные, глубинные законы и процессы, обуславливающие более сложную, нежели «подороже продать и подешевле купить», систему социальных интересов. И эти интересы, равно как и диалектический метод, позволяют обнажить более сложные, содержательные процессы, доказав, что исследования *mainstream'a* – это характеристика именно и только

превратных форм, создающих видимость наличия некоторого фиктивного, как я отметил, «наведенного» содержания, говорящего, в частности, что в основе ценности лежит исключительно предельная полезность...

Теория предельной полезности как... продолжение «Капитала»

Всем хорошо известно, что в «Капитале» Маркс показал, как создается объективная видимость, (она возникает, в частности, в процессе обращения капитала) того, что прибыль выступает порождением всего капитала. Эта прибыль формируется в результате конкуренции капиталов, которые, стремясь к максимизации нормы прибыли, формируют среднюю норму прибыли на равновеликие капиталы. Таким образом, для капиталиста нормой экономического поведения является максимизация прибыли и минимизация авансированного капитала, выступающего как издержки производства. Постольку, поскольку реализация как прибыли, так и величины издержек происходит через сферу обращения, для капиталиста здесь действует тот же императив, что и для любого агента рынка: подороже продать, подешевле купить.

Так закономерности воспроизводства капитала на собственной основе формируют объективную видимость сведения капиталистической системы к процессам купли-продажи товаров. Процесс обращения капитала, межотраслевая и отраслевая конкуренция между ними превращает всех участвующих в нем агентов в одинаковых абстрактных субъектов, преследующих частные интересы – интересы максимизации своей выгоды и минимизации издержек. Этот частный интерес не случайно *в этом* процессе выглядит как единственный и универсальный. И эта видимость объективна: в процессе воспроизводства капитала на поверхности явлений других интересов у агентов, действительно, нет. В результате исследуемая экономическая система сама себя сводит к актам индивидуализированного взаимодействия рационально-эгоистических продавцов-покупателей, возвращая нас к тому простейшему бытию «рыночной экономики», с которого Маркс начинал «Капитал».

Но если у Маркса это возвращение опосредовано всем тем богатейшим и сложнейшим анализом, который содержится в трех томах его основного труда, то для экономиста, исследующего исключительно эмпирически данные факты экономической жизни, ситуация иная.

Для первого этот процесс воспроизводства капитала, сводящий в конце концов сам себя к простейшей абстракции рынка, есть подтверждение правомерности всей его предшествующей работы по «раскручиванию» системы категорий, характеризующих бытие, сущность, явление и действительность (явление, как «продукт» воспроизводства сущности) товарно-капиталистической экономической системы. Маркс показывает и доказывает всем своим «Капиталом» (и, в частности, III томом), что эта система категорий может и должна начинаться с факта бытия массы товаров и заканчиваться фактом бесконечного процесса их обращения, скрывая все

свои основные законы в глубине и выставляя на поверхности лишь совокупность превратных форм, каковые он и выводит в процессе своего исследования.

Для второго существует исключительно и единственно поверхностный уровень капиталистической *действительности* (непосредственно эмпирически данный процесс обращения²⁰). Поскольку иная действительность такому экономисту не дана (для того, чтобы ее «увидеть», надо использовать исторический подход, как максимум – еще и метод восхождения от абстрактного к конкретному, исследуя процесс генезиса, развития и заката товарно-капиталистической экономики как исторически особой системы), а главным, практикой диктуемым вызовом его научной деятельности является необходимость теоретически обосновать факт рационального поведения частного индивида, ищущего фундаментальные основы для принятия на рынке эффективных решений, постольку... Постольку такой экономист оказывается вынужден представить рыночную действительность как следствие неких фундаментальных закономерностей «экономики вообще».

Поэтому, во-первых, неявно, но с железной последовательностью главной и первой проблемой экономической теории mainstream'а оказывается исследование эффективного индивидуального выбора на рынке, и, соответственно, проблема формирования индивидуальных предпочтений. Отсюда закономерно вытекает следующий шаг: именно столкновения индивидуальных предпочтений объявляются основой формирования меновых пропорций. Так выводится (причем вполне логично) теоретическая конструкция, отражающая мнимое, но не случайно возникшее, содержание рынка как экономического феномена – содержание, созданное господством описанных выше превратных форм и адекватно отображаемое исследователем, который в соответствии с непосредственными законами рыночной действительности (но не ее сущности) отображает ее формы как (просим прощения за повтор-педалирование) единственно действительные (но не превратные). Посему и то содержание, которое генерируют эти превратные формы, исследующий исключительно эмпирически данную действительность экономист принимает как действительное. Так

---

²⁰ Любопытна в этой связи, что в советской политической экономии акцент в определении товарной экономики именно на *обмене* был характерен для... И.Сталина, который писал, что товарная экономика есть «обмен через куплю-продажу» (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 18) и... экономистов-рыночников – Я.А.Кронрода (См. Кронрод Я.А. В1, с. 56), Л.А.Леонтьева (См.: Леонтьев Л.А. В1, с. 22), Э.Я.Брегеля (См.: Э.Я.Брегель В2, с. 57). Нам это представляется неслучайным, ибо во всех этих случаях, как и в случае с современным mainstream'ом, авторы тяготеют к максимально нейтральной в социально-экономическом смысле характеристике товарной системы, позволяющей выдать ее за некий универсальный эффективный механизм, который сам по себе ни плох, ни хорош – «естественен» в социальном смысле и потому может быть использован кем угодно: хоть Сталиным, хоть сторонником рыночного социализма, хоть приверженцем неолиберальной модели...

формируются теоретические основы рынка, адекватно отражающие мнимое содержание той системы. Далее эта теория достаточно строго выводит из категорий, адекватно отражающих это [мнимое, наведенное превратными формами] содержание, другие категории, адекватно, эмпирически достоверно отражающие действительные механизмы функционирования [превратных форм] рынка и тем самым доказывает свою научную состоятельность...

Теория предельной полезности [в превратной форме] отражает действительную закономерность рынка – продавцы и покупатели выходят на него с уже сложившимися индивидуальными трудовыми затратами, и стремление получить эквивалент этих трудовых затрат и составляет основу их «индивидуальных предпочтений».

(Здесь, правда, есть «нюанс». Mainstream не ищет *объективную* основу цены – раз она следствие индивидуальных предпочтений, то именно в индивидуальных, субъективных стремлениях и следует обнаружить основу этих индивидуальных предпочтений. Это тем более верно, что вполне соответствует либеральной догме об индивидуальной свободе на рынке).

Но принять в качестве основы теории представления субъектов рынка об их затратах труда как основе (пусть даже субъективно) желаемой ими цены на уровне анализа исключительно превратных форм будет неправомерно по нескольким причинам.

Во-первых, реальная *цена* (не стоимость!) товара *непосредственно* (а не в конечном счете) зависит именно от спроса (предложения), т.е. от *желания* купить (продать) товар. Это желание действительно является господствующим у рационального (являющегося рабом товарного фетишизма) агента, чьи потребности безграничны и для которого труд есть «жертва» (а не родовая сущность Человека). Отсюда вполне правомерный для *такого* анализа вывод об индивидуальных предпочтениях как исходной точке исследования.

Во-вторых, реальная цена для каждого индивидуального агента рынка, как правило, не совпадает с его индивидуальными издержками. Анализирующий сущность процесса исследователь на этой основе делает вывод, сформулированный марксизмом как закон стоимости: постоянное отклонение цен от стоимости и не совпадение индивидуальных затрат с затратами общественного абстрактного труда есть правило товарного производства, где вследствие этого несовпадения происходит как поиск наиболее эффективного использования ресурсов, так и более или менее пропорциональное распределение труда по разным сферам деятельности, т.е. происходит рост эффективности и обеспечивается пропорциональность. Какой именно рост (а он нацелен на максимизацию вещного богатства), к какой цене достигаемый (а этой ценой является, в частности, дифференциация производителей, образование собственников капитала и наемных работников), какая именно пропорциональность (кризисы перепроизводства и многие иные не марксисты придумали) – это в данном случае другой вопрос. Для нас сейчас важно другое – то, что закон стоимости выражает ту сущностную связь товарных отношений, которая указывает на

потенциал, пределы и механизм развития этой экономической системы. Исследователь формы этой системы – рынка, – увидев несовпадение цен с индивидуальными издержками, вполне обоснованно сделает вывод, что цена от последних прямо не зависит (кстати, этот вывод делает и трудовая теория стоимости, характеризуя механизм функционирования превратных форм товарных отношений).

Перечень этих причин можно продолжить, но суть авторской позиции, нам думается, уже ясна...

Правда, далее mainstream утверждает, что уже сама установившаяся в результате столкновения индивидуальных предпочтений равновесная цена определяет количество обмениваемых друг на друга товаров, то есть объем реального спроса и предложения на рынке (хотя дело обстоит ровно наоборот – при том, конечно, что сложившийся уровень цен *влияет* на *последующие* решения об объемах производства тех или иных товаров). Как это сочетается с либеральной свободой – подчинение экономических решений всех индивидов тем ценам, которые сформировались как независимый от каждого из них результат столкновения всей суммы индивидуальных предпочтений – mainstream уже не объясняет, но это «детали».

Здесь мы можем поставить если не точку, то многоточие: цепочка выведения возможности и необходимости основных идей mainstream'a из логики «Капитала» нами кратко обрисована. А посему несколько слов в заключение

* * *

В заключение нам хотелось бы вернуться к проблеме фундаментальной значимости трудовой теории стоимости. Позволим себе в этой связи только одну ремарку, связанную с вопросом об исторических и теоретических границах рынка²¹. Марксова трудовая теория стоимости как часть общей теории товарного производства указывает на то, что последнее есть исторически и теоретически ограниченная система, имеющая свое начало и конец. Вот почему для того, чтобы понять закономерности *генезиса, развития и заката системы отношений товарного производства и обмена*, надо анализировать не функциональные связи спроса и предложения, а нечто иное, а именно – противоречие потребительной стоимости и стоимости, двойственный характер труда, лежащего в основе товара. Только этот анализ

---

²¹ В последние десятилетия развитие информационной революции, рост многообразия экономической жизни, развитие творческого содержания труда (человеческого и социального «капитала») и феномены «ограниченно-рационального» поведения, теоретико-методологическая критика микроэкономических оснований неоклассической теории и ряд других причин побудили экономистов, принадлежавших к «мэйнстриму», постепенно начать искать выходы за пределы прежней аксиоматики, что само по себе знаменательно.

покажет как, где и почему коллективный труд в рамках натурального хозяйства сменяется частным трудом обособленного производителя, действующего в условиях общественного разделения труда, а этот труд может смениться всеобщей творческой деятельностью homo creator'a²².

Если же говорить о соотношении трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, то мы можем сделать следующий вывод: первая показывает глубинные основы отношений товарного производства, исторические и теоретические границы этой системы, ее природу, тогда как вторая выводится из первой через сложную цепочку опосредований и указывает на фиктивное (как бы «наведенное») содержание действительно существующих превращенных форм – определенных функциональных зависимостей в соотношении спроса, предложения и т.п. Соответственно марксова теория нужна «лишь» для того, чтобы исследовать природу и границы товарной экономики; для анализа функциональных зависимостей спроса и предложения она, действительно, не нужна.

«Изюминка», однако, заключается в том, что нынешний рынок уже подошел к своим границам, и для того, чтобы понять, кто, как и почему действительно определяет не столько цены, сколько закономерности эволюции современного рынка, нужно анализировать, прежде всего, его сущность. И вот здесь оказывается востребован марксистский анализ проблем обособленности производителей (которая подрывается «рыночной властью» ТНК), типа и природы новой сетевой модели разделения труда и много, много другого – но это уже предмет совсем другого текста.

---

²² В своей работе «Глобальный капитал» (М., 2004, 2007) мы постарались показать, как именно марксистский анализ сущности «предыстории» вообще и капиталистической системы, в частности, позволяет обосновать необходимость генезиса «царства свободы». Ключ к этому обоснованию прост: для того, чтобы показать неизбежность заката старой системы и возможное бытие новой необходимо выделить границу и предел (они задаются системным качеством), а так же сущность первой. Именно эти параметры системы и стремится исследовать марксизм в отличие от школ, делающих акцент на исследовании [превратных] форм и механизмов функционирования, анализ которых неявно предполагает признание «естественности» исследуемой системы (превратные формы объективно «нацелены» на создание именно такой видимости) и потому ее непреходения, что позволяет в моделировании работать исходя из неизменности принципиальных параметров «области допустимых значений».